

Феликс Кон

M  $\frac{9}{435}$

**ЧЕТВЕРТЫЙ КОНГРЕСС  
КОММУНИСТИЧЕСКОГО  
ИНТЕРНАЦИОНАЛА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ НОВЬ»  
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ, МОСКВА, 1928

98  
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

M. 9  
435

ФЕЛИКС КОН.

801-17  
3456

343

IV КОНГРЕСС  
КОММУНИСТИЧЕСКОГО  
ИНТЕРНАЦИОНАЛА



ИЗДАТЕЛЬСТВО "КРАСНАЯ НОВЬ".  
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ, МОСКВА, 1923.

## IV КОНГРЕСС III КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

### I.

Открытие IV Конгресса Коминтерна совпало с целым рядом событий, которые не могли не наложить отпечатка как на дискуссии, так и на принятые Конгрессом решения.

Пятилетие Российской Революции, ликвидация японской оккупации на Дальнем Востоке, движение под лозунгом созыва съезда фабзавкомов в Германии, раскол в итальянской социалистической партии, кемалистское движение в Ангоре и поражение Греции, падение Ллойд-Джорджа и победа коммунистов на выборах в Англии—с одной стороны; фашистское движение в Италии, вызвавшее и продолжающее вызывать действенные отклики в других странах, усиление белого террора во всем империалистическом мире, объединение независимой социал-демократии с шейдемановцами в Германии и ожидаемое слияние 2½ Интернационала со вторым и, как это ни тяжело, относящиеся к этому же рода явлениям съезд и неурядицы во французской компартии, неурядицы в компартии Юго-Славии и Чехо-Словакии, уклон в сторону оппортунизма и реформизма в Норвегии—с другой,—все это явления, которые не только все в совокупности, но и каждое порознь имеют огромное значение для рабочего движения.

Если к этому добавить включенные в порядок дня вопросы: аграрный, профессиональный, программный и организационный, то это уже само по



2014088241

Главлит № 6434.

Москва.

Тир. 3.000

«Мосполиграф» 7-я типография.

962

себе указывает на то значение, которое должен был иметь IV Конгресс, на который на этот раз съехались представители 62 партий, не считая делегатов таких организаций, как Организация международной помощи голодающим, Профинтерна и Женского Интернационала.

Прежде, чем перейти к вопросу о докладах, дискуссии и о решениях Конгресса, мы считаем необходимым предварительно остановиться на одном основном решении III Конгресса. После продолжительной дискуссии по вопросу о различии между историческим кризисом капитализма и обычной депрессией, было установлено, что капитализм переживает исторический кризис, который, автоматически обостряясь, влечет за собой революционизирование пролетариата, углубляя его методы наступления, но что это «автоматическое обострение» не проходит по прямой, поднимающейся вверх линии, а, так сказать, волнообразно, с изгибами, то поднимаясь, то опускаясь, но с постоянной тенденцией к повышению. В докладах и в резолюциях III Конгресса резко было подчеркнуто то, что в рамках исторического кризиса капитализма неизбежно чередование конъюнктур, и что вслед за депрессией может последовать улучшение. Само собой разумеется, что эти колебания не могут не влиять на темп развития революции, и т. Лениным в одной из его речей на III Конгрессе было сказано:

«Товарищи, мы, конечно, высоко заинтересованы в ускорении темпа революции, но если революция не наступит через год или даже через два, то в России мы все же продержимся и будем ждать. Мы вовсе не настаиваем на несвоевременной поспешности».

Это констатированное тогда замедление революции должно было найти свое отражение в тактике Интернационала, выдвинувшего тогда лозунг «к массам». Впоследствии, когда четко обозначилась тенденция капитала к переходу в наступление, в этот лозунг было влито еще более конкретное содержание в виде борьбы за единый рабочий фронт, а затем, как один из возможных этапов борьбы,— лозунг рабочего правительства.

Весь период от III до IV Конгресса заполнен этим содержанием, и это приходится иметь в виду при рассмотрении всего происходившего на IV Конгрессе.

Перейдем к первому докладу на Конгрессе— докладу т. Зиновьева, состоявшему из двух частей: из отчета о деятельности за истекший период и из программы деятельности на будущее время.

В первой части доклада т. Зиновьеву пришлось обосновать директивы, какие давал Исполнительный Комитет Коминтерна, и дать картину того, как эти директивы воспринимались и проводились в жизнь всеми коммунистическими партиями.

В виду того, что эта часть доклада т. Зиновьева знакомит нас с состоянием отдельных партий, с их идейными уклонами, то на этом приходится остановиться подробнее.

«Мы увидели, что образование истинно-коммунистических партий—заявил в самом начале т. Зиновьев—только начинается». Это, на первый взгляд, странное явление исторически вполне объяснимо. Многие коммунистические партии возникли в момент сильнейшего подъема революционной волны на Западе, при чем этот переход под знамя коммунизма совершался либо целыми социал-демократическими партиями, либо боль-



шинством партии, очистившимся от соглашательски-реформистско-оппортунистической скверны. Прошлое тяготеет над настоящим: чем больше социал-демократических элементов вошло в состав коммунистической партии из прежней партии, тем более в этой партии сохранилось пережитков, тем слабее проведена грань между прежними опорными пунктами борьбы и теперешними, между прежним отношением к директивам и постановлениям высшего органа борющегося революционного пролетариата—и тем, что властно требуется Интернационалом действия, Интернационалом борьбы и социалистического осуществления. Все эти идейные уклоны, все это отношение к явлениям мирового масштаба с точки зрения своей колокольни, наконец, все это, так сказать, «автономное» отношение к исходящим из центра директивам, должны быть изжиты, и одна из главнейших задач Конгресса состояла в том, чтобы вложить персты в эти язвы, вскрыть эти нарывы и раз навсегда излечить секции Коминтерна от этих недугов.

Эта задача была исполнена, и начало в этом отношении положил т. Зиновьев своим докладом, в котором он сделал обзор всех партий, не скрывая, а, наоборот, обнажая слабые стороны каждой из них.

Этот обзор начат с К. П. Г. (Коммунистической партии Германии). Эта партия мартовских событий переживала, как известно, жестокий кризис. Меры, принятые III Конгрессом, привели к исцелению, и в настоящее время это одна из самых крепких, организованных, политически сознательных партий.

Политическое положение в Германии безусловно революционно и создает для К. П. Г. благоприятную базу. Слияние независимой соц. партии с гер-

манской соц. партией не осложняет, а, наоборот, облегчает положение. «Меньше фикций,—говорит т. Ленин в своей приветственной телеграмме IV Конгрессу,—меньше обмана,—это всего полезнее для рабочего класса».

Тактика единого пролетарского фронта, которая, как оказалось, была превосходным пробным камнем для всех компартий во всех отношениях, была этой партией проведена лучше и последовательнее, чем в других странах.

Могущественное движение фабзавкомов является одним из ярких проявлений этой тактики. Но при проведении некоторых кампаний германская компартия не избежала некоторых недочетов. Она при проведении тактики единого фронта не всегда достаточно четко подчеркивала свою коммунистическую линию, на что приходилось Исполкому Коминтерна не раз указывать К. П. Г. и что выдвинули на Конгрессе и некоторые немецкие товарищи.

Далеко не столь благоприятно положение во французской партии. Она является типичным образчиком партий, над которыми тяготеет их прошлое. «Традиции во Франции таковы, что на партию смотрят там, как на партию политиканов». Отметив это, тов. Зиновьев вынужден добавить, что «такой взгляд не лишен оснований». Компартия Франции не обладает чутьем действительных движений масс и, несмотря на то, что она уже существует два года, большое количество коммунистических элементов, находящихся в рядах коммунистов-синдикалистов,—элементов, которые надо полагать, в будущем украсят своим участием компартию,—до сих пор находятся вне партии.

Это отсутствие понимания настроения рабочих

массе сказалося и при проведении тактики единого рабочего фронта. Капитал во Франции, как и в других странах, перешел от защиты к наступлению, рабочие от наступления к защите. Забастовки, в предшествующий период по преимуществу наступательного характера, теперь приняли в большинстве случаев характер оборонительных. При этих условиях вопрос о едином фронте является для пролетариата вопросом весьма существенным. От того, удастся ли объединиться и отстаивать позиции или нет, зависит быт рабочего класса уже в настоящее время. И этого-то настроения не уловила компартия Франции.

Это объясняется тем, что партия не прошла еще через горнило массового движения, вследствие чего в этой партии фактически еще не начался очистительный процесс отмежевания истинно-коммунистических элементов от оппортунистических, центристских и т. п.

Перейдем к итальянской социалистической партии, возглавляемой Серрати. Ее преступление состоит в том, что она, опять-таки, преклоняясь перед традициями прошлого, возведя «единство партий» в принцип, оставила реформистских пособников буржуазии внутри партии и этим стала невольным пособником фашизма, дав возможность Турати со товарищи произвести очередную измену, вновь предать рабочий класс. Это предательство, подтвердившее правильность требований Исполкома Коминтерна исключить реформистов из партии, открыло глаза итальянской партии. Она признала свою ошибку и вину, и умудренная весьма горьким для итальянского пролетариата опытом, вновь стала на путь, указываемый ей Коминтерном.

Коммунистическая партия Италии в грехе терпимого отношения к реформизму—неповинна, но и в ней не все обстоит благополучно, несмотря на ее огромные заслуги перед революцией. Одним из основных недочетов этой партии является, если так можно выразиться, непонимание духа революционного марксизма. Признавая, например, тактику единого фронта в экономической области, компартия не признает ее в политической, словно такое размежевание мыслимо для марксистов.

Но компартия Италии выгодно отличается от компартии Франции. Это одна из самых боевых секций Коминтерна, сплотившая под своими знаменами все действительно революционные элементы, готовые на бой за освобождение рабочего класса. Когда на итальянский пролетариат обрушился фашизм, партия, вытесненная с легальных позиций, немедленно укрепилась на нелегальных, и чуть не на следующий день после фашистского переворота, ею было издано нелегальное воззвание к итальянскому пролетариату с призывом вести борьбу и оказывать сопротивление.

Мы не останавливаемся на компартии Чехо-Словакии, ставшей со времени III Конгресса на правильные рельсы, но не сумевшей ассимилировать оппозиции, страдающей «детской болезнью левизны».

Опасность, как это отмечено т. Радеком на Конгрессе, теперь не слева, а справа.

Эту «правую» опасность представляет компартия Норвегии, с живыми еще федералистическими тенденциями и своеобразным типом организации, в основу которой положены профессиональные организации. До какой степени прошлое тяготеет над этой партией, можно заключить из того, что до на-



стоящего времени как центральный орган партии, так и многие провинциальные носят название «Социал-Демократ», что внутри партии маятник колебания качается от коммунизма до... Пауля Леви, что в ней можно наткнуться и на анархический уклон, и на отрицание дисциплины, как унижающей «достоинство свободного человека».

Коминтерн два года терпеливо боролся с этими явлениями, учитывая то, что норвежская партия срослась с рабочим классом, что это настоящая рабочая партия, но для всех ясно, что этим колебаниям и шатаниям пора уже положить предел, что и сделано IV Конгрессом.

Болезненные явления и уклоны встречаются, понятно, и в других партиях,—нелегко сразу изжить прошлое,—но они носят уже другой, частичный характер.

В польской компартии уклоны по аграрному и национальному вопросу, как оказалось из докладов, постепенно изживаются этой партией. Жизненный вопрос о сочетании нелегальной работы с легальной решен удовлетворительно, чего нельзя сказать о других партиях, до сих пор еще не справившихся с этим вопросом.

Одни из этих партий цепляются за легальность даже тогда, когда тенденция разгрома рабочего движения была для всех ясна, другие ударялись в другую крайность и не использовали «легальных возможностей».

Во второй части своего доклада т. Зиновьев подверг анализу международное экономическое положение, международное политическое положение и положение, создавшееся внутри рабочего движения отдельных стран. Мы на этой части доклада останавливаемся лишь вскользь, так как истекшие

15 месяцев лишь подтвердили и, так сказать, более ярко отчеканили то, что было установлено и в докладах, и в тезисах IV Конгресса. Отметим, поэтому, лишь крупный рост национального движения в колониальных и полуколониальных странах, усиливающийся распад буржуазного строя, и перейдем к событиям, на которых в настоящий момент сконцентрировано внимание всего мира. Мы имеем в виду фашизм. Уже одно то, что пресловутой «демократии» для того, чтобы удержаться на поверхности, приходится прибегать к таким экстравагантным мерам, свидетельствует о том, что распад буржуазного строя подвинулся далеко вперед, что при нормальных условиях он больше держаться не в состоянии. Период фашизма может быть для рабочего класса весьма тягостен, но сам по себе фашизм симптом не здоровья, а неизлечимой болезни, и не только итальянской демократии. Фашизм—мировое явление. Признаки его уже заметны в Австрии, Венгрии, Юго-Славии, Польше, Германии и др. странах. Положение за истекший период обострилось. Класс выступает против класса. Промежуточные образования исчезают, и этим объясняется предстоящее слияние 2 и 2½ Интернационалов, причем 2½ Интернационал растворяется во II Интернационале, другими словами, становится вместе с ним по ту сторону баррикады.

Реформисты сознают, что почва уходит из-под их ног, и они раскалывают профессиональные союзы чтобы в момент, когда рабочий класс должен быть готовым подняться против буржуазии, он оказался лишенным организационной силы, ослабленным и расколотым.

Тактика единого рабочего фронта является действительным средством и в этой борьбе против этого



злостного предательства реформистов, по своему значению и размерам превосходящего даже измену 1914 года. Перед коммунистическими партиями всего мира стоит теперь основная задача: завоевание большинства пролетариата и завоевание профессиональных союзов. Тактика единого фронта получает новое конкретное содержание. Как это ни странно для русских товарищей, но т. Зиновьеву, благодаря тому состоянию, в котором находятся некоторые компартии, пришлось разъяснить на Конгрессе, что следует понимать под единым рабочим фронтом. «Это движение рабочих масс в их повседневной борьбе». Оно означает, что «мы готовы совместно со всеми рабочими—анархистами и синдикалистами, социал-демократами и членами христианских союзов,—вести борьбу против капитализма и капиталистов, повседневную борьбу за кусок хлеба, против сокращения заработной платы и упразднения 8-ми-часового рабочего дня.

При создавшихся в настоящее время повсюду условиях, тактика единого рабочего фронта применима и имеет огромное значение во всех странах. Одним из конкретных применений этой тактики, является лозунг рабочего правительства.

Само собой разумеется, что этот лозунг вызвал еще более кривотолков, чем лозунг единого рабочего фронта, и поэтому т. Зиновьеву пришлось дольше остановиться на нем в заключительном слове. Он отмечает, что поскольку всякое буржуазное правительство является капиталистическим, постольку нельзя того же сказать о рабочем правительстве. Не всякое рабочее правительство является пролетарским или социалистическим. Из этого следует, что буржуазия имеет свои форпосты внутри рабочего класса, в то время, как пролетариат в лагере бур-

жуазии своих форпостов не имеет. При таких условиях приходится различать различные типы рабочих правительств, при чем рабочее правительство отнюдь нельзя рассматривать, как неизбежную стадию развития. И говоря о рабочем правительстве, как лозунге, нельзя из-за дерева не замечать леса, нельзя останавливаться на тонкостях научных определений и упускать из виду революционную сторону этого лозунга, а революционный смысл этого лозунга состоит в том, что для образования рабочего правительства необходимо предварительно свергнуть буржуазию. В этом суть и благодаря этой сути лозунг рабочего правительства имеет и будет иметь свое революционное значение.

Дискуссия по докладу т. Зиновьева еще более оттенила одни вопросы, углубила и расширила другие. Не останавливаясь на ней за отсутствием места, мы переходим к вопросу, в высшей степени важному, но русским товарищам более знакомому по докладам и резолюциям съездов и конференций РКП,—к подведению итогов 5 лет Российской революции и перспективам всемирной революции.

## II.

Первым докладчиком по этому вопросу выступил т. Ленин, взявший на себя только небольшую часть этой темы: вопрос «о новой экономической политике». Указав на то, что им еще в 1918 г. государственный капитализм рассматривался, как шаг вперед, а не назад, что уже тогда он считал, что государственный капитализм, хотя он и не является социалистической формой, был бы для России формой более благоприятной, чем теперешняя, т. Ленин останавливается на том, что



«общая неопределенная идея государственного капитализма уже тогда была дана. Это имеет первостепенное значение для всего всемирного пролетариата».

Каковы итоги новой экономической политики? В области финансовой системы, где вопрос о стабилизации рубля имеет первостепенное и решающее значение, успех очевиден. В то время, как в 1921 г. период устойчивости бумажного рубля продолжался менее 3-х месяцев, в 1922 г. этот период продолжался свыше 5-ти месяцев.

С товарным оборотом удалось равным образом справиться, несмотря на то, что только теперь, после взятия Владивостока, мы вышли из состояния войны, что только теперь можно приступить к систематической хозяйственной деятельности.

Перейдя затем к вопросу о социальных целях, т. Ленин, прежде всего останавливается на крестьянстве, на недовольстве, царившем в его среде, усугубленном жесточайшим голодом, на котором все контр-революционные элементы строили все свои планы на спасение. Это недовольство в настоящее время исчезло. Бедствие голода преодолено.

Новая экономическая политика не осталась без положительного влияния и на промышленность. В легкой промышленности—общий подъем, что повлияло и на улучшение настроения рабочих. В тяжелой индустрии положение продолжает быть критическим, но имеются шансы улучшения.

Вывод из этого: новая экономическая политика уже теперь дала плюс. Достигнуть этого можно было потому, что крестьянство поддерживало Советскую власть, понимая, что это власть рабочих и что цель ее—создать социалистический

порядок. Подготовить социалистическое хозяйство прямым путем не удалось, пришлось прибегнуть к окольному. В руках государства остается не только земля, но и все важнейшие части промышленности, а это имеет существенное значение.

Общий вывод, делаемый т. Лениным: перспективы мировой революции благоприятны, но для вящего улучшения этих перспектив необходимо как русским, так и иностранным товарищам, каждый момент, свободный от боевой деятельности, использовать для учебы. Русские должны учиться в общем смысле, иностранцы же—в специальном, чтобы постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы.

Содокладчиками по этому же вопросу выступили т.т. Клара Цеткин, Троцкий и Белла-Кун.

Тов. Клара Цеткин подошла к вопросу о русской революции и о ее всемирном значении совершенно с другой стороны. Русская революция вызвала небывалые идейные расхождения в рабочем классе всех стран.

В рядах оппортунистов обнаружилось попытку считать ее незначительным национальным явлением и свести ее в русло буржуазной, чисто политической революции. Самый примитивный анализ показывает, что все эти попытки представляют собой покушение с негодными средствами. «В русской революции находят себе выражение все те экономические, политические и социальные отношения, которые были созданы мировым империалистическим капитализмом, как в самой России, так и вне ее», а вместе с тем, «в русской революции кристаллизуется в одно целое также историче-

ское сознание и революционная воля пролетариата всех стран к революции».

Успеху революции, ее сохранению и укреплению в течении 5 лет, несмотря на напряженную борьбу против нее всей мировой буржуазии, способствовала сила революционного мышления и действия русского пролетариата, идеологически воспитанного большевистской партией.

Характер русской революции сказался с первых дней. Мир через революцию, земля крестьянам, рабочий контроль над производством—эти лозунги несовместимы с буржуазной революцией. Первое время пролетариат России, оставался еще под идеологическим влиянием мелко-буржуазных элементов, шел на поводу у буржуазии, еще не веря в свои собственные силы, но когда Керенщина привела к Корниловщине, когда в порядок дня была поставлена диктатура генералов с перспективой реставрации царизма,—захват власти пролетариатом из слов превратился в дело. Русский пролетариат из объекта истории превратился в субъекта, не переживающего ее пассивно, а творящего ее самостоятельно.

«Выступление большевистской партии было геройским подвигом организованного меньшинства, которое обеспечило себе на широком фронте связь с рабочими массами и пустило среди них глубокие корни. Оно было не без риска». Кто откладывает революцию до того момента, когда победа будет вполне обеспечена, откладывает самую победу на неведомый срок. «Урок русской революции состоит в том, что необходимо взвесить обстоятельства, но нельзя во имя этого отказываться от дерзания».

Октябрьский переворот с первых же дней подтвердил предсказания Энгельса о роли «чистой

демократии», в момент переворота. Те самые демократические элементы, которые с февраля по октябрь оттягивали созыв Учредительного Собрания, опасаясь призрака аграрной революции в лице крестьян, требовавших земли и мира, и призрака пролетарской революции в лице пролетариев, требовавших мира и контроля рабочих над производством, выдвинули лозунг созыва Учредительного Собрания, противопоставляя его власти Советов. При этих условиях разгон Учредительного Собрания стал революционной необходимостью. Сохранение Учредительного Собрания при существовании Советов было бы ничем иным, как легальным центром для легальной и нелегальной контр-революционной пропаганды и подрывной работы.

Одним из первых актов русской революции явился призыв к заключению мира,—необходимой предпосылки для мировой революции. Призыв этот не нашел отклика в рабочем классе Запада, и Советской Республике пришлось заключить сепаратный мир. По поводу Брестского мира была поднята невообразимая травля теми, которые сами привели к нему июньским наступлением. Советскую власть обвинили в том, что она этим миром укрепила германский империализм. На деле этот империализм из Бреста был приведен прямым путем в Версаль. Он был разгромлен. За разгромом последовал политический переворот, во время которого рабочие Германии провозгласили лозунги, заимствованные у русской революции:

«Да здравствуют Советы рабочих и крестьянских депутатов».

Рабочие Германии, не имевшие опыта русских пролетариев, переживших 8 месяцев режима «чистой демократии», не довели революции до диктату-

ры пролетариата и передали власть этой же «демократии»—своему классовому врагу.

В этом враги революции усматривали крах расчетов большевиков на то, что русская революция является началом всемирной революции. Пять лет существования русской революции, отклики на нее на Западе, бодрость и вера в нее русского пролетариата ясно доказывают, что хотя и могла произойти ошибка в определении темпа революции, зависящего от субъективных сил исторического процесса, т. е. от революционной сознательности и активности пролетарских масс,—но не ошибка в основной посылке. Революция на Западе грядет.

Базис для пролетарской революции должен был быть создан экономической политикой, которая, с одной стороны, должна была отменить право частной собственности на средства производства, с другой—заново организовать все общественное хозяйство в духе коммунизма. Согласно Марксу, «предпосылкой и основой социальной революции является максимальное развитие народного хозяйства и техники, усиливающее производственные силы страны и создающее совершенные методы и орудия труда, а затем наличие пролетариата, составляющего огромное большинство населения, способного решать экономические и социальные задачи, связанные с экономическим переворотом и установлением коммунистического строя». В России этих условий не было. Пролетариат—еще молодой и немногочисленный. Способность владеть, управлять и руководить производственным аппаратом он должен только еще приобрести. Это дело будущего. Для этого времени русскому пролетарскому государству приходилось находить какой-нибудь спо-

соб существования с крестьянством и с иностранными и русскими капиталистами.

При оценке этого способа существования допустим только единственный критерий: являются ли на практике все эти мероприятия приближением к коммунизму и рассчитаны ли они на его осуществление?

Рассматривая с этой точки зрения аграрную политику, необходимо прежде всего отметить, что капитализм был не только в России, но и в Западной Европе бессилен преодолеть трудовые методы, свойственные крестьянской бедноте, и заменить их более продуктивными. Во многих областях и даже странах капитализму удалось пролетаризировать крестьянство, но, несмотря на это, трудовые методы мелкого крестьянства сохранились. Даже в Германии и Соединенных Штатах до сих пор сохранилось много мелких крестьянских хозяйств. В России, где 80% населения составляет мелкое крестьянство, из которых  $\frac{9}{10}$  занимаются крестьянским трудом, революция и захват политической власти пролетариатом, вопреки воле этих масс, немислимы. В этом ключ к аграрной политике большевиков.

Возражения против этой политики не выдерживают критики. Аграрная политика русской революции не могла начать с введения форм крупного производства в сельском хозяйстве. Поэтому, при существовавшем положении вещей, при слабости, вдобавок, на первых порах центральной власти, аграрная реформа должна была на первых порах стать делом крестьянских масс и носить хаотический характер.

Обвинение в том, что в связи с аграрной политикой находится возрождение капитализма, тоже



северно. При затянувшейся революции на Западе необходимо было установить известный «modus vivendi» (условие существования) с капитализмом. Это было ясно еще в 1917 и 1918 г.г., и заранее подготавливались позиции для отступления, на какие русская революция отступила. Капитализм возвращается—это верно, но это капитализм при власти рабочих.

Говоривший вслед за т. Цеткин т. Белла-Кун выдвинул вопрос о роли Р. К. П. в революции. Он считает, что если бы в 1919 г., во время кризиса, вызванного демобилизацией, за границей существовали коммунистические партии, хотя бы несколько приближающиеся к типу Р. К. П., мы сумели бы не только победить, но и завоевать власть. Стоя на этой почве, он делает вывод, что «центральная проблема создания суб'ективного фактора мировой революции есть образование» партий по образцу и подобию Р. К. П.

Нам осталось в самом сжатом виде пополнить эти доклады докладом т. Троцкого, который прежде всего коснулся весьма важного вопроса, как в России произошел захват власти и как протекала гражданская война по сравнению с тем, чего можно ожидать на Западе. В этом отношении заметна существенная разница. В России захват власти был произведен сравнительно легко, контр-революция во всей силе проявилась уже после этого момента—во время гражданской войны. За границей захват власти дается гораздо труднее, все элементы контр-революции уже принимают активное участие в борьбе, но зато после овладения властью западно-европейскому пролетариату легче будет проводить государственное и хозяйственное строительство, так

как все резервы контр-революции уже будут на исходе.

Гражданская война в России наложила отпечаток на ход строительства в России. Буржуазию надо было сломить во что бы то ни стало и поэтому вначале основным решающим моментом было не развитие производственных сил, а соображения политического характера. Для ослабления политической силы буржуазии экспроприация буржуазии была произведена в гораздо большей степени, чем это можно было использовать как в экономическом, так и в организационном отношении. Это осложнялось еще необходимостью создать централизованный государственный аппарат, весьма не подходящий для хозяйственно-экономических целей, но неизбежный для того, чтобы выжать из дезорганизованной промышленности все необходимое для армии и гражданской войны.

Этот, при таких условиях созданный аппарат, не мог выработать новых методов распределения производительных и рабочих сил между различными отраслями народного хозяйства. Пришлось, по необходимости, усваивать и применять капиталистические методы. Несомненно, с моментом перехода к «государственному капитализму» возникает даже при условии, когда власть находится в руках рабочих, опасность возрождения капитализма. Этой опасностью и жонглируют меньшевики всевозможных категорий, анализируя этот вопрос *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности), не считаясь с действительными условиями развала капитализма и усиливающегося революционного настроения масс. В действительности же «опасность того, что настоящий капитализм перерастет через голову пролетарского государства, значительно меньше,



чем возможность завоевания государственной власти рабочим классом Европы».

До момента победы пролетариата Запада будут, конечно, как указывалось на III Конгрессе, чередования конъюнктур, смена депрессии подъемом и, наоборот, каждая из борющихся сторон, в зависимости от условий, будет переходить от обороны к наступлению, от наступления к обороне. В момент, переживаемый ныне пролетариатом Запада, пришлось выдвинуть на первый план частичные требования и взять на себя руководство экономической борьбой. Но этим коммунисты не отождествляют себя с социал-демократами. Последние продолжают жить мыслью и всей своей идеологией в эпохе, предшествовавшей войне и революции. Неправильная оценка переживаемой эпохи и перенесенные из прошлой эпохи в современность методы мышления и действия заставляют социал-демократов в частичных уступках буржуазии видеть конечную цель, при чем они не останавливаются даже на вопросе, в состоянии ли буржуазия делать эти уступки.

Для коммунистов всякое частичное требование органически связано с конечной целью—с революцией.

Этими несколькими строками из доклада т. Троцкого мы и ограничиваемся. Они пополняют рефераты других докладчиков, вместе с которыми составляют ту базу, на которой должны строиться все издаваемые Коминтерном директивы в области дальнейшего развития революционного движения до его победного конца.

### III.

Итак, обстоятельные доклады о русской революции, наряду с анализом всей предшествовавшей тактики Коминтерна, составили основу, на которой должна будет быть построена дальнейшая тактика революционного пролетариата.

В период между III и IV Конгрессом превалирующим тактическим лозунгом был лозунг об едином пролетарском фронте. Этот лозунг в тех странах, где он применялся последовательно и с полным сознанием его значения, дал богатейшие результаты; в других, как мы уже об этом упоминали, он не был понят. В виду продолжающегося наступления капитала, этот лозунг сохраняет, и еще долго будет сохранять, все свое мощное значение, не говоря уже о том, что и вообще рост и могущество движения находятся в строгой и тесной зависимости от степени объединения пролетариата. Но в данный период это наступление является превалирующим моментом, и, поэтому, вполне правильно начал тов. Радек свой доклад по этому вопросу указанием на то, что в основе всех прошлых и отчасти будущих дебатов лежал вопрос: «о наступлении капитала против пролетариата и о пролетарских методах самообороны». Но этот вопрос нельзя понимать только, как вопрос о понижении заработной платы, об удлинении рабочего дня. Тем менее еще можно всю историю мировой революции «втиснуть в два механически друг от друга отделенных фазиса: в фазис наступления пролетариата, и в фазис контр-наступления капитала».

Русская революция была мировой буржуазией в большей степени, чем мировым пролетариатом, воспринята, как начало наступления пролетариата

в мировом масштабе. И буржуазия, несомненно, с самого начала русской революции приняла бы все меры для ее подавления. Но война еще не была окончена, и для всемирного капитала стало роковым то обстоятельство, что «его внутренние раздоры дали русской революции передышку, позволившую ей организовать свои силы». Революция в Германии была, так сказать, вторым этапом всемирной революции. Тов. Радек приводит целый ряд документов, свидетельствующих о том, что «курс на международную революцию» был вполне обоснован, и что буржуазия серьезно считалась с возможностью всемирной революции.

Мы приводим лишь один отрывок из этих документов. Ллойд-Джордж в тайной докладной записке, предназначенной для руководителей Версальской Конференции, говорит:

«Если Германия отдаст себя в руки спартаковцев, то она неизбежно свяжет свою судьбу с русскими большевиками. Если это случится, то вся восточная Европа будет втянута в водоворот большевистской революции, и через год мы столкнемся лицом к лицу с 300 миллионами людей, превращенных при содействии германских генералов и инструкторов в гигантскую Красную Армию, вооруженную германскими пушками и германскими пулеметами и ежеминутно готовую возобновить свои нападения на Западную Европу».

Мировой капитал, отмечает т. Радек, предотвратил эти события, заняв оборонительную позицию на Западе и начав свое же наступление на Востоке.

На Западе делались рабочему классу всевозможные уступки, лишь бы не толкнуть его в объятия коммунизма. На Востоке началась интервенция, которая была окончательно ликвидирована в 1920

году, когда Советская Россия перешла, во время войны с Польшей, от обороны к нападению. Но последовавшая затем неудача Красной Армии под Варшавой и совпавшая с ней по времени неудача пролетарского наступления в Италии открыла собой новый фазис мировой революции.

Этот новый фазис обусловлен изменившейся экономической конъюнктурой — началом мирового экономического кризиса, сопровождаемого обычным своим спутником — безработицей, который сломил боеспособность рабочих Запада.

Капитал занял в то время вполне определенную позицию. В меморандуме английского Промышленного союза было без обиняков сказано: «Рабочие должны быть готовы к тому, что заработная плата сведется к тем размерам, которые обусловят понижение их жизненного уровня по сравнению с периодом, предшествовавшим промышленной депрессии, и даже по сравнению с довоенным периодом».

Это относится не только к Англии, но и ко всем капиталистическим странам. Попытки возложить на побежденные страны все расходы по восстановлению капитализма, потерпели фиаско вследствие сопротивления Советской России и финансового бессилия Германии — и у мировой буржуазии нет другого выхода, как возложить все тягости того восстановления на широкие слои пролетариата отдельных стран.

«Таким образом, говорит тов. Радек, — наступление капитала оказывается не временным использованием слабости рабочего класса, но широко задуманным планом, рассчитанным на длительный период.

Политические формы этого наступления весьма различны. Борьба против Советской России, имею-

шая целью принудить посредством финансового бойкота отдать обратно фабрики их прежним собственникам, является составной частью всего мирового наступления капитала.

Все перепетии борьбы против Германии рассчитаны, опять-таки, на спасение германского капитализма, но вместе с тем на том, чтобы заставить его дать средства на восстановление антантовского капитализма. План Стайнса состоит в том, чтобы все бремя взвалить на рабочие массы и дать возможность германским капиталистам начать процесс накопления капитала. Как французская, так и германская буржуазия стоят на том, что без сокращения административного аппарата, увольнения лишних рабочих, повышения интенсивности труда Германии и увеличения рабочего времени — капитализм не может быть спасен ни в Германии, ни во Франции.

В Италии политика Муссолини построена на той же базе. В преследовании цели восстановить итальянский капитализм, он договаривается до следующего циничного заявления: «Нет ничего более ложного, чем стремление обременить налогами «богатых» с целью пощадить бедных».

Во Франции то же явление.

Все политические перемены в капиталистических странах за последнее время: замена Бриана — Пуанкаре, Ллойд-Джорджа — Бонар-Лоу, появление на сцене Муссолини, Куно, и т. д. являются проявлениями стремлений к более контр-революционной политике с целью сохранить ускользающую власть капитала. Фашизм является только одной из ступеней этой политики.

По мнению тов. Радека, победа фашизма — величайшее поражение, какое потерпел социализм и

коммунизм с самого возникновения мирового рабочего движения, так как она «является результатом временного духовного и политического банкротства итальянского социализма и всего итальянского рабочего движения».

Производя анализ фашизма, т. Радек указывает, что хотя в Италии сила социализма возросла, но он (социализм) разменивался на мелочи, не сумел вовлечь массы в борьбу, не отвечал действием на выявленные Муссолини и его сторонниками стремления захватить власть и этим дал фашизму возможность усилиться. Является вопрос: почему буржуазия, владевшая всем государственным аппаратом, сама не проделала того, что проделал Муссолини? Буржуазные партии, отвечает докладчик, находились в состоянии разложения; на них лежала ответственность за войну, не давшую Италии тех результатов, какие они сулили, а возглавляемые Муссолини мелко-буржуазные элементы выказали молодую волю к власти, требуя от рабочих, чтобы они работали ради возрождения нации. Они обещали заставить капиталистов удовлетворить потребности рабочих.

В начале деятельность фашизма содействовала последнему, но не на долго.

«Фашисты — формулирует т. Радек — это мелкое мещанство, которое захватывает власть, опираясь на буржуазию, и будет вынуждено проводить не свою программу, а программу капитализма. Вследствие этого эта контр-революция на самом деле — слабейшая из контр-революционных сил Европы». В нее вошли все контр-революционные и буржуазные элементы: тут и аграрный и промышленный фланг, тут и демократическое крыло. Разношерстность базы, на которую опирается Муссолини,



при необходимости проведения им политики капитала, неминуемо приведет к внутренним конфликтам, а затем и к развалу. Для ускорения этого развала, для скорейшей победы над фашизмом, компартии Италии необходимо мобилизовать для борьбы с ним широкие массы не только пролетариата, но и мелкой буржуазии.

Перейдя затем к анализу наступления капитала, т. Радек отмечает, что «волна контр-революции, которая катится по всему миру сейчас характеризуется, главным образом тем, что эта контр-революция не опирается на период общего экономического подъема, но представляет из себя попытку насильственным путем остановить экономический распад». Именно поэтому она не имеет никаких шансов на победу. Но от натиска капитала рабочему классу необходимо защищаться, оборона должна быть организована. Коминтерн первый учел создавшееся положение и наметил пути этой обороны. Первым условием успешности этой обороны является вопрос о выведении рабочих масс из того состояния пассивности, которое овладело ими после крушения веры в возможность скорого завоевания власти. Это может быть достигнуто лишь при ведении борьбы в области самой актуальной для широких масс: за заработную плату, за рабочее время и т. п. Расширение, углубление и усиление этой борьбы постепенно приведет к борьбе за диктатуру. На почве этой борьбы будет проведено объединение рабочих масс, которые в компартии ценят именно наличность элемента объединения. «Идея единого фронта представляется рабочей массе, как идея собирания сил рабочего класса для борьбы с теми страданиями, которые причиняются ему распадающимся капитализмом». У рабочих масс еще не изжиты иллю-

зии на счет того что реформисты хотят бороться за интересы рабочего класса. Для рассеяния этих иллюзий было необходимо вести переговоры с вождями II Интернационала об организации единого рабочего фронта сверху. Этот план потерпел крушение, так как III Интернационал стремился к организации обороны, в то время как второй стремился к капитуляции. На это крушение повлияло и отношение Советской власти. II Интернационал соглашался поддерживать Сов. Россию под условием легализации меньшевиков и эс-эров. Меньшевики, в лице Мартова и Дана, выступают теперь под знаменем: «долой препятствия к развитию капитализма в России». Из этого видно, что эта сумасшедшая поддержка имеет специфический характер. Это поддержка не Советской России, а подкапывающейся под нее — капиталистической.

Аналогичное отношение проявлено II Интернационалом к борьбе и за 8 час. рабочий день и против понижения заработной платы.

Переговоры, как известно, были сорваны. Социальный и политический смысл срыва уже указан выше. Желаящим капитулировать нельзя объединяться с желающими обороняться. Следует ли из этого, что на будущее время надлежит раз на всегда отказаться от дальнейших попыток организовать единый фронт не только снизу, но и сверху? На этот вопрос т. Радек отвечает отрицательно. Именно теперь эти попытки должны быть возобновлены. Коалиция социал-демократов с буржуазией трещит по всем швам. В недалеком будущем буржуазия останется одна у руля государства. Положение станет яснее для масс, они будут напирать снизу на вождей, и может наступить момент, когда эти вожди будут вынуждены именно под этим напором



снизу начать борьбу. Для того, чтобы этого достигнуть, необходимо компартиям напрячь все усилия именно в вопросе об едином фронте. Конечно, может сказаться, что «рожденный ползать летать не может», что II Интернационал уже настолько погряз в оппортунистическом болоте, что, по образному выражению т. Радека, «он уже не может спрыгнуть с колесницы буржуазии и вместе с ней скатится в пропасть».

Говоря о борьбе против наступления капитала, необходимо остановиться на вопросе о рабочем правительстве. Не углубляясь в вопрос о возможных формах этого правительства, о большей или меньшей вероятности этого этапа в развитии революции, т. Радек смотрит на рабочее правительство, как на боевую платформу, как на платформу для мобилизации масс. «Где бы рабочее правительство ни возникло, оно явится лишь исходной точкой для диктатуры пролетариата».

В силу той специфической формы, какую приняло наступление капитала в лице фашизма, принимающего всемирный характер, этому вопросу был посвящен специальный доклад.

Докладчик, представитель Итальянской Коммунистической партии — т. Бордига, прежде всего остановился на историческом ходе развития фашистского движения. Первоисточником фашистского движения были группировки, стоявшие за вмешательство в войну: крупные промышленники, заинтересованные в войне, лево-буржуазные течения, стремившиеся путем войны добиться освобождения Триеста и Триента, революционные синдикалисты, анархисты и вождь тогдашнего левого фланга социалистической партии, редактор «Аванти» — Муссолини.

Эти группировки по окончании войны начали терять влияние, благодаря недовольству, вызванному последствиями войны.

В то время для революционно-социалистического течения создалась весьма благоприятная ситуация, но не нашлось партии, которая взяла бы на себя инициативу. В 1919 г. и в первой половине 1920 г. революционное настроение рабочих начало претворяться в революционное дело; мелкая буржуазия ступсевалась. Этого момента социалистическая партия не использовала, хотя бы только для организации рабочего класса. Пролетариат оставался распыленным, и когда наступил экономический кризис, отразившийся на профессиональных организациях, буржуазия перешла в наступление. Для этого наступления фашизм, благодаря своему крайне разношерстному составу, был самой подходящей организацией.

В Италии, как и в других странах, буржуазия использовала кризис для того, чтобы изгнать из фабрик рабочих-экстремистов, являющихся руководителями профдвижения, чтобы понизить заработную плату и пересмотреть материальные и моральные уступки, сделанные рабочим в момент подъема движения. Организовывается «Генеральная Конфедерация Промышленности» — «союз предпринимателей», руководящий их совместной борьбой против рабочих и контролирующей действия каждого промышленника в отдельности. Под руководством этой организации пролетариату навязывается борьба, кончающаяся для него поражением. Социалистическая партия не сумела в этот момент перевести борьбу пролетариата на революционный путь, и от нападения он был вынужден перейти к обороне.

Одновременно с этим было начато наступление на сельских рабочих и полупролетаризованных крестьян. В сельском хозяйстве не было безработицы, и поэтому, здесь был применен другой метод — метод физического насилия. Опираясь на класс сельских собственников и используя недовольство среднего земледельческого населения, фашизм ведет вооруженную борьбу, постепенно привлекая на свою сторону мелких собственников, бывших участников войны, бывших офицеров и унтер-офицеров. Создав из этих элементов военные организации не только в крупных промышленных центрах, но и в земледельческих районах, фашисты начали с наступления на небольшие районы, а затем по определенному, заранее выработанному плану, шли все дальше и дальше.

«Фашизм — формулирует т. Бордига — был движением, которое при помощи оружия прибегало к средствам самого яростного и свирепого насилия. К этому присоединялась циническая демагогия».

Отстаивая общие цели господствующего класса и ради этих общих целей жертвуя, когда это необходимо, групповыми интересами тех или иных слоев земельной и промышленной буржуазии, фашизм, надевая личину синдикализма, проповедует подчинение деятельности профессиональных организаций интересам нации, фактически призывая к «бургфридену», к сотрудничеству классов.

Переходя к вопросу, что способствовало возникновению фашизма, т. Бордига указывает на три фактора: 1) государство; 2) крупная буржуазия и 3) средние классы.

Государственный аппарат Италии, в период демобилизации превратившийся постепенно из аппарата внешней в аппарат внутренней войны, в

силу необходимости начал с уступок пролетариату, с удовлетворения некоторых требований социалистической партии. Все это делалось с целью выиграть время и укрепить аппарат. По мере этого укрепления государство не только становится менее уступчивым, но и переходит к подготовке нападения. Военный министр Бономи предоставляет в распоряжение только возникавшего тогда фашизма демобилизованных офицеров и все необходимые средства для создания армии, а впоследствии министерство Факта уже прямо и открыто поддерживает фашистов. В местностях, где последние не смогли справиться с рабочими, их выручают карабинеры и королевская гвардия. Защищающиеся рабочие расстреливаются и предаются суду, убийцы-фашисты остаются безнаказанными. Такова роль государства. Крупная буржуазия, заинтересованная в том, чтобы во время наступления иметь в своем распоряжении военную силу, всеми средствами поддерживала фашизм. Третьим фактором были средние классы: мелкая буржуазия, полубуржуазия, торговцы, и, главным образом, интеллигентная буржуазная молодежь, которая боролась против пролетариата во имя патриотизма и итальянского империализма. Созданная организация — бесспорно весьма крепкая; но ее ахиллесовой пятой является полная бессодержательность и беспрограммность. До тех пор, пока связующим моментом была только борьба с возраставшим пролетарским движением, организованность, централизованность и дисциплина могли это скрасить. Но в настоящее время, когда фашизм оказался победителем, эта безыдейность и беспрограммность вылезает, как шило из мешка. Экономический кризис растет, вместе с этим растет и революционное настроение, а фашизм не в состоя-

нии выдвинуть ничего другого, кроме обветшавшего, давно обанкротившегося лозунга либеральной буржуазии: интересы всех должны быть подчинены высшему национальному интересу.

Тщетными оказались попытки фашизма прикрыться личиной своеобразного синдикализма с приоритетом более интеллигентных отраслей труда в профессиональном движении. «Фашистский синдикализм — формулирует т. Бордига — представляет собою сумбурную смесь буржуазных и мелкобуржуазных идей и требований, а тактика его по отношению к пролетариату есть комбинация систематического насилия с социал-демократическим оппортунизмом.

Подводя итоги, т. Бордига приходит к заключению, что фашизм является только средством удерживать власть господствующего класса. Обычного государственного аппарата уже для этого недостаточно и, поэтому, создается объединенная партия — организационное единство контр-революции. «Фашистская партия является буржуазным органом управления государством в период упадка капитализма».

В этот период упадка, капитализм использует для своих целей те форпосты, какие ему удалось, как в прошлое, так и в настоящее время создать в рабочем классе. Одним из этих буржуазных фортов являются реформистские профсоюзы. Эти профсоюзы, по меткому определению т. Лозовского в докладе: «о задачах коммунистов в профдвижении», стали последним убежищем международной буржуазии и основным фундаментом, на котором зиждется капиталистическое господство. При таких условиях, лежащие на коммунистах задания в этой области имеют огромное значение.

Наступление капитала отразилось прежде всего

на профсоюзах. Оно имело иной характер в странах с высокой валютой, и иной — в странах с низкой, но «в общем и целом под обстрел был взят 8 час. рабочий день, заработная плата систематически понижалась, начался поход против самого существования профсоюзов (Америка)». Наряду с этим шел фашистского типа разгром союзов. К этому наступлению капитала реформистский Амстердамский союз относился выжидательно, пассивно. Такое отношение вызвало в широких кругах рабочего класса разочарование. Сотни тысяч рабочих покидают профсоюзы, ослабляя этим в первую очередь самих себя. Наряду с количественным упадком растет в профсоюзах общая неустойчивость и неуверенность в своих силах.

Но эта неустойчивость и неуверенность Амстердамцев по отношению к капитализму сменяется твердостью и уверенностью, когда им предстоит вести борьбу с революционным пролетариатом. Тут, как уже это было отмечено в докладе т. Зиновьева, они не останавливаются перед таким предательством, как раскол профсоюзов, что равносильно разрушению единства пролетариата как раз к моменту, когда ему предстоит сразиться на жизнь и смерть с капиталом. Международные секретариаты, примыкающие к Амстердамскому Интернационалу, либо не принимают, либо исключают из своей среды революционные элементы. «В основе своей — замечает т. Лозовский — это не более, как отражение похода международного капитала на рабочий класс». Политика раскола и исключений, практикуемая Амстердамом, вытекает из сознания, что профсоюзы «левеют», что уже не за горами момент, когда рабочие, «принявшие» Амстердам «по одежке», проводят его по его предательству.



Амстредамцы в своей борьбе против революционных рабочих нашли союзников в лице анархистов, договорившихся до отказа коммунистам в праве на работу в профдвижении. Анархисты выступают под лозунгом борьбы с политикой и противопоставления Интернационала профсоюзов Коммунистическому Интернационалу. Профсоюзы сами по себе, а партия сама по себе — вот их основная идея, во имя которой они шествуют по стопам Амстердамцев: они исключают тех своих членов, которые стоят за Профинтерн и за связь обоих революционных Интернационалов. Такое отношение анархистов объясняется их социальной сущностью: несмотря на свою революционную фразеологию, анархисты всегда были носителями мелко-буржуазных идей. Неудивительно поэтому, что они присоединились к общей травле коммунистов и составляют звено в реформистско-анархистском фронте. Выдвигаемый ими лозунг «независимости» профсоюзов отнюдь не дисгармонирует с этим объединением. Сколько лет уже анархо-синдикалистами повторяется уверение, что «профсоюзы сами сделают революцию», а «воз и ныне там». Эти объективные условия складываются так, что давно уже пора от пустых слов перейти к реальному делу. Но «дела» этого и быть не может, так как противопоставление экономики политике, непонимание того, что «политика есть концентрированная экономика» — как формулирует программа Р. К. П. — не может в результате дать ничего другого, кроме пустой, хотя подчас и трескучей фразы. «В основе своей — говорит т. Лозовский, — теория независимости направлена против коммунизма, ибо коммунизм не бесплотен, он не может существовать вне времени, пространства и определенной организации. Противопоставление сою-

зов коммунистическим партиям, стремление под флагом независимости заострить борьбу между ними, направлено не только против партии, как таковой, но и против коммунизма, против рабочего класса и против социальной революции».

В виду того, что синдикалистский уклон, как идейное течение, в недрах рабочего класса может нанести большой вред революционному движению, докладчик подробнее останавливается на нем.

«Синдикализм стремится выработать свою программу, свою тактику, свои формы и методы борьбы и сплотить рабочие массы в классовом действии. Эту же цель ставит себе и коммунизм». Следовательно, синдикализм является партией, противопоставляющей себя Коммунистической партии, но все же партией, а не профсоюзом.

Но синдикализм нельзя рассматривать как цельное единое течение. Есть анархо-синдикалисты, ничем почти не отличающиеся от анархистов; синдикалисты-революционеры, уже отмежевавшиеся от анархистов, и синдикалисты-коммунисты, стоящие ближе к коммунизму.

Задачи коммунистов по отношению к синдикализму — вполне определены. Коммунисты не могут допустить теории и практики, приводящих к отрицанию политических партий, и должны с этим течением вести систематическую, упорную и планомерную идейную работу, что не отрицает возможности совместной с синдикалистами борьбы против наступающего капитала и против реформизма. Эта борьба, само собою разумеется, будет тем успешнее, чем деятельнее будет Компартия, чем энергичнее она будет вести в массах революционную работу. Целью является завоевание профсоюзов для комму-



низма. Этого нельзя сделать сразу, и в борьбе за эту цель приходится считаться с характером и особенностями рабочего движения данной страны, со всей политической и социальной обстановкой, с традициями движения и т. д. Указав на условия в Англии и Америке, тов. Лозовский делает принципиальное указание: влияние партии в профсоюзах прямо пропорционально ее работе в массах, ее политическому резонансу, причем задача заключается в том, чтобы это политическое влияние организационно закреплять. Это закрепление не проводится, и это чревато опасностью, что в момент борьбы у партии может не оказаться достаточно организационных центров для руководства этой борьбой.

Мы не останавливаемся на сделанном тов. Лозовским анализе взаимоотношений между Компартией и профдвижением в целом ряде стран и переходим к самому актуальному и острому вопросу, о котором мы уже говорили выше: о подготовляемом реформистами расколе профдвижения. С этим необходимо бороться, этого нельзя допустить. В борьбе против раскола и исключений самой важной задачей для коммунистов является вскрытие подоплеки их; необходимо сорвать маску с реформистов и обнажить их срамоту перед всем рабочим классом. У реформистов разные методы борьбы с революционными элементами в профсоюзах. Нужно чтобы и Компартия выработала методы противодействия. Все возможности борьбы должны быть использованы. Устав профсоюзов не допускает исключений за «инакомыслие». В борьбе против исключений коммунистов необходимо пользоваться и этим уставом. Незаконные требования центра не должны выполняться на местах. В этом направлении должна вестись агитация, и она, несомненно,

найдет отклик в рабочих массах. Агрессивные действия реформистов все же этим сразу не будут приостановлены. Жертвами этих агрессивных действий окажутся многие исключенные из профсоюзов рабочие. Эти исключенные должны быть собраны организационно воедино. Как? Это должно зависеть от условий. Но сплочение должно быть произведено. Это не должно ослаблять борьбы за единство профдвижения. Лозунг, выдвинутый IV Конгрессом—не разрушение, а завоевание профсоюзов,—остается в полной силе. «Коммунистический Интернационал есть сознательное выражение бессознательного исторического процесса, и поэтому было бы безумным отказаться от постоянной, упорной, систематической работы внутри профсоюзов, выкинуть лозунг ухода из массовых организаций и создания своих небольших союзиков».

Коммунистическими партиями, к сожалению, до сих пор во многих странах еще не велась массовая воспитательная коммунистическая работа в профсоюзах. Между тем, коммунистическое просвещение масс означает завоевание масс, завоевание профсоюзов. Задача коммунистов сделать свою пропаганду конкретной, приспособить ее к нуждам момента, к конкретным потребностям рабочих данной страны. Необходимо от практической борьбы идти к общим задачам рабочего класса и на основе этой практической борьбы поднимать сознание масс. На это должно быть обращено усиленное внимание всех коммунистических партий. Без завоеваний профсоюзов невозможна социальная революция.

#### IV.

Резолюции, принятые по докладу как т. Радека, так и т. Лозовского, расширили и углубили тактические директивы, принятые на III Конгрессе и на заседаниях расширенного Исполкома в промежутке между III и IV Конгрессом. В лозунг «к массам» влило конкретное и вполне определенное содержание, но под этими «массами» во всех этих директивах имелись в виду лишь рабочие массы, с оставлением в стороне масс крестьян безземельных, малоземельных, не говоря уже о т. н. середняках. Между тем, по справедливому замечанию докладчика по аграрному вопросу т. Варга, «коль скоро мы хотим добиться в Европе решительного успеха, т. е. установления диктатуры, мы должны прежде всего обеспечить себе активную поддержку широких масс сельского населения и в дальнейшем добиться нейтрализации других его слоев».

В свое время Вильгельм Либкнехт, отец Карла Либкнехта, был признан в своей партии чуть ли не еретиком за отстаивание гораздо более умеренной позиции: «Для проведения революции нам крестьяне не нужны, но никакие завоевания революции не могут считаться прочными, если крестьяне выступают против них».

Пример России показывает, что успех революции обусловлен участием в ней беднейших слоев крестьянства; и что для сохранения завоеваний революции необходимо заинтересовать их в этих завоеваниях, а более зажиточной части крестьянства,—середнякам, которых необходимо отделить от мироедов-кулаков—доказать на деле, что диктатура пролетариата для них во сто крат выгоднее дикта-

туры буржуазии, какую бы форму эта диктатура буржуазии не приняла: форму крайней демократии или умеренного абсолютизма.

Для России все эти вопросы являются уже пройденной фазой. В Европе это вопрос—не только актуальный, но, к несчастью, до сих пор спорный. Напомним к слову, что Бебель в своей брошюре «Наши цели», указывая на отчаянное положение мелкого крестьянства в Германии и на неминуемый, как ему казалось, упадок мелкого хозяйства, настаивал на том, чтобы капиталистическое государство законодательным путем принудило мелкие хозяйства объединяться в крупные сельскохозяйственные коллективы... Прогноз Бебеля о неминуемом упадке мелкого хозяйства оказался неверным. Оно оказалось более живучим, кое-где даже окрепло, и это обстоятельство, как известно, лет 30 тому назад, было использовано ревизионистами, с Бернштейном и Давидом во главе, для того, чтобы поднять вопрос о пересмотре всего марксизма... Неудачные защитники марксизма, вроде Каутского (см. комментарии к Эрфуртской программе) договорились до того, что «помогать крестьянам, как производителям,—это значит противопоставить себя ходу экономического развития. Это было бы утопией».

Отзвуки такого отношения к делу слышатся до сих пор во многих коммунистических партиях, и, поэтому, вопрос о взаимоотношениях между рабочим классом и малоземельным и безземельным крестьянством приобрел первостепенное значение, тем более, что на Западе, как это указал т. Троцкий, борьба за привлечение крестьянства на свою сторону уже весьма настойчиво, еще до революции, ведется буржуазией. При таких условиях «необхо-

димом привлечь широкие массы крестьянства в качестве подкрепления и этим увеличить резерв для наступления Коммунистической партии».

Необходимость завоевания одних слоев и нейтрализации других выдвигает вопрос о методе этой работы. Этот метод, по мнению т. Варга, с каковым согласился и IV Конгресс, совершенно тот же, какой применяется к рабочей массе.

В основу деятельности коммунистов должны быть положены реальные интересы данных слоев сельского населения в условиях капиталистического строя. Необходимо привлечь эти слои путем участия в их повседневной борьбе, необходимо им указать на деле, что коммунистическая партия отстаивает их интересы, необходимо привлечь их на сторону коммунистической партии. Эта задача весьма трудная. Беднейшее крестьянство в Европе до сих пор находится под идеологическим влиянием кулачества—это одно. А затем—компартии располагают весьма незначительными, подготовленными для ведения работы среди сельского населения, силами. Положение еще более осложняется расплывчатостью классового положения крестьянских слоев. Среди сельского населения «имеется целый ряд промежуточных ступеней: от подлинного, совершенно безземельного сельского пролетария, не имеющего никакой собственности, к малоземельному полукрестьянину, к мелкому крестьянину, к середняку и кулаку». Есть еще одно осложнение. В городах мелкая буржуазия в значительной степени является для революционного пролетарского движения «*quantité négligeable*»—величиной, которую можно игнорировать. В деревне—наоборот. Мелкие и средние крестьяне образуют преобладающее большинство населения.

К этому необходимо присоединить еще один момент. В зависимости от разнообразия аграрных условий отдельных областей и отдельных стран, в сельском хозяйстве замечаются крупные различия. Тов. Варга отмечает 3 главных типа: 1) колониальные страны с порабощенным туземным крестьянством; 2) страны, с сильными пережитками феодализма, где буржуазная революция не доведена до конца и, 3) чисто капиталистические страны, где сельское хозяйство является лишь отраслью капиталистического производства.

В странах первого типа борьба против империализма является вместе с тем борьбой против векового социального порабощения туземного крестьянства. В странах второго типа эту роль играет борьба против бар-помещиков. Наконец, в странах 3-го типа отношения аналогичны тем, которые обычны в промышленности между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Есть страны, как например, Югославия, где в разных областях встречаются все три типа.

Вопрос еще более осложняется тем, что в одних странах в центре вопроса стоит земельный голод, в других, где земли вдоволь, земельный голод не играет никакой роли.

Неясность и изменчивость (переход в силу внешних условий от одного слоя к другому) классового положения неизбежно влечет за собой изменчивость политической позиции, находящейся в строгой зависимости от меняющегося экономического базиса. По временам интересующие нас слои крестьянства чувствуют себя ближе к пролетариату. При изменившейся к лучшему хозяйственной конъюнктуре они, наоборот, отходят от пролетариата и приближаются к кулакам.



Война сыграла в этом отношении заметную роль.

Социальное положение различных слоев крестьянства, стоявших до войны ближе к пролетариату, повысилось и они приблизились к кулакам. Но с другой стороны эта же война способствовала и расслоению деревни. Элементы, имевшие излишки продуктов и бросившие их во время войны на рынок, разбогатели; те же, у которых этих излишков не было, которые вынуждены были зарабатывать на жизнь наемным трудом и по бешеным ценам покупать на рынке продукты—обеднели в конце.

При изменчивости классового положения мелких и средних крестьян, **главным фактором революционного движения является сельско-хозяйственный пролетариат.** По отношению к этому элементу задача ясна. Это—пролетарии, и пролетарская борьба, связывающая пролетариев деревни с пролетариями города, должна быть положена в основу работы.

По отношению к работе среди полупролетарских слоев, существует, с одной стороны, опасность, что может быть затуплена грань, отделяющая работу коммунистической партии от работы радикальной крестьянской партии, с другой—полное отрицание возможности революционизировать эти слои и привлечь их к обще-пролетарской борьбе. Уклон в ту или иную сторону чреват серьезной опасностью. Не подлежит сомнению, что надежным и стойким оплотом революции является в деревне только сельский пролетариат, но не менее несомненно, что без привлечения широчайших слоев безземельных и мало-земельных нельзя будет захватить, ни удержать власть в своих руках.

Почву для революционизирования этих слоев

дает капиталистический строй, высасывающий из них все, кроме заработной платы, облагающий их прямо непосильными налогами, собирающий с них в своих интересах во время войны обильный кровавый налог.

При отстаивании интересов этих слоев, при недопустимости требования установления высоких цен на сельско-хозяйственные продукты, что шло бы в разрез с интересами пролетариата, необходимо требовать доставление крестьянам по дешевым ценам продуктов промышленности, необходимого для сельского хозяйства.

Но эти вопросы имеют сравнительно второстепенное значение. Центральным вопросом—это вопрос для большинства Европейских стран о земельном голоде, вопрос о земле. Коммунистическая партия должна активно поддерживать все стремления трудовых слоев крестьянства к расширению их земельной площади, противопоставлять свое революционное решение аграрного вопроса половинчатому решению буржуазии, толкать крестьянство на борьбу.

Аграрная реформа, проводимая ныне буржуазией во многих странах, имеет в виду отвлечь трудовые слои крестьянства от революции. Корреспондент английского «Экономиста» в номере от 21-Октября 1922 г. пишет:

«Ясно, что аграрная реформа в Румынии вызвана боязнью, а не экономическими побуждениями.—**Это та цена, которую заплатили правящие классы за то, чтобы сохранить страну от большевизма.**»

Задача коммунистов—парализовать эти усилия. Для этого необходимо выдвигать «нашу программу: конфискация земли, конфискация всех средств

производства, с нею связанных, безвозмездная передача этой земли со всем инвентарем безземельным пролетариям и малоземельным крестьянам».

Средние слои могут быть нейтрализованы указанием на то, что пролетарская революция уничтожает закладные, уничтожает аренду, предоставляя арендованный участок в безвозмездное пользование арендатора.

В заключение т. Варга указывает, что Коммунистическая партия должна на деле доказать сельскому пролетариату, как и малоземельному крестьянству, что она фактически,—а не только на бумаге, в программе—является представительницей интересов всех этих трудящихся, пеимущих слоев деревни.

Принятая по докладу т. Варга резолюция, основные пункты которой им резюмированы в докладе, являются первой аграрной программой действия. Этим база борьбы значительно расширена. Отныне лозунг «к массам» имеет более широкое значение, чем раньше. Это зов коммунистов идти **не только к рабочим массам, но и к трудовым массам в деревне.**

Этим, однако, не исчерпывается вопрос о расширении революционной операционной базы. Она может и должна быть расширена приобщением к революции колониальных, полу-колониальных и угнетенных народностей. На это указывалось уже в 8-м пункте 21 условия приема в Коммунистический Интернационал, выработанных на II-м Конгрессе. Этот 8-й пункт гласит:

«В колониальном вопросе и в вопросе об угнетенных нациях необходимо, чтобы партии всех стран, где буржуазия располагает колониями или угнетает другие национальности, заняли определен-

ную и ясную позицию. Каждая партия, желающая принадлежать к III-му Интернационалу, обязана безоговорочно разоблачать всю деятельность отечественных империалистов в колониях и оказывать деятельную поддержку освободительному движению в этих колониях. Она должна требовать изгнания «отечественных» империалистов из этих колоний и поддерживать среди рабочих своей собственной страны истинное братское отношение к трудовому населению этих колоний и к угнетенным национальностям. Наконец, она должна вести систематическую пропаганду в армии против притеснений колониального населения.

В период, непосредственно следующий за II Конгрессом, эти директивы были лишь благими пожеланиями, но и эти пожелания, как новое слово в колониальном вопросе, нашли отклик в среде угнетенных всевозможной окраски кожи. Представитель Египта, т. Хосни Эль-Араби, в своей речи по этому вопросу, привел арабскую поговорку: «Красота ярче блестит рядом с безобразием». Красота идей коммунизма рядом с безобразием империализма не могла не поразить своей яркостью угнетенных. Съезд народов Востока углубил это впечатление. Но организованным путем сделано весьма мало. Между тем колонии—это один из могущественных резервов империализма. Докладчик по этому вопросу т. Фан-Равенстейн совершенно правильно указывает, что «без политического господства над азиатскими народами, без эксплуатации народов Ислама наряду с индусами, китайцами и др. народами Дальнего Востока, дальнейшее существование империализма—невозможно. Почему?—Потому что освобождение этих народов обозначает, что они прекращают уплату дани европейскому капиталу и что накопле-

ние капитала, производившееся за счет этой дани, не сможет продолжаться. Но приостановка накопления это прежде всего то, что смертельно поражает капитал, что перерезывает его жизненные артерии».

Тов. Рай к этому присоединяет еще одно важное указание:

«Полагаясь на свои ресурсы, находящиеся в колониальных странах, империализм пытается довести свое наступление против европейского пролетариата до решительной победы».

Это выдвигает вопрос о едином противоимпериалистическом фронте в странах колониальных и полу-колониальных.

В данном случае интересы мирового пролетариата и поработанных колониальных и полу-колониальных народов тождественны в том смысле, что и одни и другие заинтересованы в скорейшем разрушении капитализма.

При вовлечении в борьбу сотен миллионов этих угнетенных—операционная база компартии еще более расширится.

Но постановление IV Конгресса по колониальному вопросу также, как все принятые IV Конгрессом резолюции, не имели бы силы и значения боевых приказов, если бы IV Конгресс не довершил организационного вопроса.

Уклонение от исполнения директив Коминтерна, какие замечались в истекшем периоде, свидетельствовали о том, что Коминтерну не удалось до сих пор организовать единой, сильной, централизованной, всемирной коммунистической партии. На это было обращено IV Конгрессом внимание, и ныне все пережитки организационного федерализма раз навсегда ликвидированы. Каждая национальная коммунистическая партия

является только секцией, обязанной беспрекословно исполнять предписания Исполкома Коминтерна, избранного на конгрессе, опять-таки не на федеративных началах, а из числа наиболее способных для этого членов конгресса.

Таким образом, IV Конгресс определил боевые революционные силы в лице масс пролетариата, безземельного и малоземельного крестьянства и угнетенных колониальных и полу-колониальных народностей, наметил пути борьбы, все силы спаял стальной организацией и поставил во главе этих сил испытанных в бою руководителей.

Если мы добавим к этому, что на IV Конгрессе были оглашены проекты программы, которые должны быть продискуссированы всеми секциями и подготовлены к V Конгрессу, то станет ясным, какая огромная работа проделана IV Всемирным Конгрессом.



# КАТАЛОГ

ИЗДАТЕЛЬСТВА ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТА «КРАСНАЯ НОВЬ»

I.

## СЕРИЯ ПОПУЛЯРНО-МАРКСИСТСКАЯ.

Вышли из печати.

- Аузрбах, К. Маркс и профессиональные союзы.  
Бebelь, А. Будущее общество.  
Бэр, К. Маркс, его жизнь и учение.  
Девиль, Г. Научный социализм.  
Горнер, К. Социал-демократия и коммунизм.  
Каутский, Карл Маркс и его историческое значение.  
» Классовые интересы.  
» Республика и социализм во Франции.  
Норш. Сущность марксизма.  
Ленин, Н. Карл Маркс (краткий биографический очерк с изложением марксизма).  
» Государство и революция.  
» Империализм, как новейший этап капитализма.  
Либкнехт. 48 год и Коммуна.  
Луи Поль. История социалистических партий во Франции.  
Маркс, К. Наемный труд и капитал (под ред. Каутского. Перевод Степанова).  
» Классовая борьба во Франции 1848—1950 г.  
» Гражданская война во Франции 1871 г.  
Павлович. Империализм.  
Плеханов, Г. В Амстердаме (статьи из «Искры»).  
Поль, В. Коммунизм и общество.  
Энгельс. Политическое завещание (из неопубликованных писем), I и II изд.  
» Революция и контр-революция в Германии. (Перевод и предисловие И. Степанова).  
« От утопии к науке.

Находятся в печати.

- Иекн. Интернационал.  
Каутский. Противоречия классовых интересов в 1789 г., с пред. Н. Н. Попова.  
« Происхождение христианства.

- Меринг. Об историческом материализме.  
« Милиция и постоянное войско.  
Степанов, И. Парижская Коммуна, с иллюстрациями.  
Энгельс. Людвиг Фейербах (от классического идеализма к диалектич. материализму).  
» Сила и экономика.  
» Революция и контр-революция в Германии. II изд.  
Готовятся к печати.

- Адоратский. Научный социализм.  
Бebelь. Воспоминания.  
Корш. Сущность материалистического понимания истории.  
Лафарг, П. Экономический детерминизм К. Маркса.  
Луи Поль. История социалистической доктрины.  
Люнсембург. Коалиционная политика и классовая борьба.  
Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль.  
» Критика Готской программы.  
Плеханов, Г. Статьи против Богданова.  
Постгейт. Рабочий интернационал.  
Топорков. Гегель и материализм.  
Экштейн, Г. Капитализм и социализм.  
Энгельс и Маркс. О Крымской войне 1853—1856 г. Перев. с нем.

II.

## СЕРИЯ АГИТАЦИОННАЯ.

Вышли из печати.

- Антонов-Овсеенко. Строительство Красной армии в революцию.  
Баратов. Наша Красная армия.  
Быстрянский. Борьба за богатства мира.  
Вардин, И. Политические партии в русской революции.  
» Партия меньшевиков и русская революция.  
Глonti, Т. Советская и меньшевистская Грузия.  
Дроздов. Как царско-дворянское правительство обирало крестьян.  
Как проводить агиткампании в политпросвет. учреждениях. Сборник.  
Кольцов, М. Пуанкаре—Война.  
Кон, Ф. IV Конгресс Коммунистического Интернационала.  
Мещеряков, В. Партия с.р., ч. I и II.  
Мещеряков, Н. На переломе (О русской эмиграции).  
Обвинительные речи на процессе с.р. По стенограмме  
Процесс эсеров. Речь защитников 2-й группы эсеров: Бухарина, Членова, Кона, Биценко и речи подсудимых 2-й группы: Дашевского, Семенова, Кочошлевой и др.

**Радек.** Октябрьская революция и ее место в истории.  
**Раковский.** Кукуруза — наш спаситель.  
**Стеклов.** Партия с.-р.  
**Тимирязев, А.** Наука в Советской России за пять лет.  
**Флеровский, И.** Октябрьская революция и НЭП.  
**Шмераль.** Чехо-словаки и с.-р.

### III.

#### СЕРИЯ—КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Вышли из печати.

**Арслан.** Современная Турция.—Перев. с турецкого.  
**Варга, Е.** Закат капитализма.  
**Гальперин.** Современная Бельгия.  
**Иорданов.** Балканский вопрос после войны.  
**Маркевич.** Коммунизм в Юго-Славии.  
**Майский.** Советская Россия и капиталистический мир (Гаагская конференция).  
**Мещеряков, Н.** Конгресс мира в Гааге и опасность войны.  
**Павлович, М.** Советская Россия и империалистическая Япония.  
**Соловейчик.** Басмачество в Бухаре.  
**Стоклицкий.** Рур.  
**Фостер, В.** Волны рабоч. революции в Германии, Англии, Италии и Франции 1918—1921 г.  
**Шлихтер.** Наша соседка—Финляндия.

Находятся в печати.

**Кон, Ф.** Кризис буржуазной Польши.  
**Павловский.** Баллотство Германии.  
**Смолянский.** Под мечем капитала. (Экономическая борьба мирового пролетариата).

Готовятся к печати.

**Бронский.** Двух-с-половинный Интернационал.  
**Бранд и Валевский.** Коммунизм в Польше.  
**Вернер, П.** Баварская Советская республика. (Факты и критика).  
**Горнин.** Современная Италия.  
**Кан, Г.** Крушение капитализма.  
**Майский.** Современная Германия.  
**Мархлевский.** Современная Польша.  
**Нюрнберг.** Мировая война, ее причины и следствия.  
**Ротштейн.** Современная Англия.





---

---

**СКЛАД ИЗДАНИЙ:**

Москва. Изд. „Красная Новь“ при Главполитпросвете.

**Торговый Сектор Издательства:**

Москва. Милютинский пер., д. № 22, кв. 43.

**Экспедиция Издательства:**

Сретенка, 8.

Все издания имеются в книжном магазине „СЕРП и МОЛОТ“  
Театральная площадь, 2-ой дом Советов, и во всех книжных  
магазинах г. Москвы.